

СЛОВО

на пассію четвертой недѣли великаго поста¹⁾.

О судѣ надъ міромъ симъ.

*„Нынѣ судъ есть міру сему: нынѣ князь
міра сего изгнанъ будетъ вонъ: и еще Азъ
вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ
Себѣ“ (Іоан. XII, 31—32).*

Съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и сердечнымъ трепетомъ выслушали мы, братіе, сейчасъ прочитанное евангельское повѣствованіе о крестныхъ страданіяхъ и смерти Господа нашего Іисуса Христа. Не только мысль о невинности этихъ страданій трогаетъ нашу душу, но еще болѣе насъ поражаетъ мысль о томъ, что это были страданія Самого воплотившагося Сына Божія. Много всякаго рода проявленій зла и неправды знаетъ міровая исторія, но то, что „совершилось“ (Іоан. XIX, 30) на Голгофѣ, является исключительнымъ и безпримѣрнымъ событіемъ во всей этой исторіи. Ни до, ни послѣ Голговы наша земля не орошалась Божественною кровію. И мы знаемъ, что сама бездушная природа, та природа, о которой иногда говорятъ, что она безразлично относится къ добру и злу, и она не выдержала тяжести совершившагося и соли-

¹⁾ Произнесено въ великой церкви Братскаго монастыря, 6 марта 1909 г.

це, всегда сияющее по волѣ Отца Небеснаго на злыя и благія (Мѡ. V, 45), теперь скрыло свои лучи, какъ бы не желая освѣщать величайшаго беззаконія, и косная масса земли пришла въ движеніе и отдала изъ своихъ нѣдръ отъ вѣка усопшихъ мертвецовъ (Мѡ. XXVII, 45, 51—52). Все это такъ страшно, что ветхозавѣтные и новозавѣтные проповѣдники этого исключительнаго событія вполне имѣли основаніе обращаться къ Богу съ недоумѣннымъ вопросомъ: „*Господи, кто върова слугу нашему, и мышца Господня кому открыся*“ (Ис. LIII, 1; Римл. X, 16) и ихъ проповѣдь о крестѣ являлась для іудеевъ соблазномъ, для эллиновъ же безуміемъ (1 Кор. II, 23). Но мы съ вами, братіе, твердо вѣруемъ, какъ и научены, что на Голгоѣѣ былъ распятъ насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія воплотившійся Единородный Сынъ Божій.

Да, невѣрующій міръ въ безумной злобѣ и ослѣпленіи, побуждаемый княземъ своимъ, этимъ исконнымъ врагомъ Божиимъ, дѣйствительно, вознесъ на крестъ не кого другого, какъ Самого Сына Божія, о Божественномъ достоинствѣ Котораго онъ зналъ какъ изъ Его дѣлъ, такъ и изъ Его словъ (Іоан. XVI, 22, 24). Этому міру мало было крови пророковъ и другихъ праведныхъ людей, пролитой отъ начала исторіи (Мѡ. XXIII, 35). И вотъ, доведши до креста и смерти Сына Божія, онъ думалъ нанести этимъ рѣшительный ударъ столь ненавистному ему добру и устранить всѣ препятствія, которыя стояли на пути развитія его злой воли. Онъ готовъ былъ праздновать свою побѣду. Но вмѣсто этого онъ потерпѣлъ самое рѣшительное пораженіе и видимое торжество міра сего обратилось въ величайшую побѣду добра и послужило началомъ и основаніемъ къ освобожденію вѣрующаго человечества изъ-подъ власти діавола (Евр. II, 14—15). Въ преданіи на смерть Самого Сына Божія невѣрующій міръ нашелъ свое полное осужденіе. На Голгоѣѣ подверглось великому суду и все содержаніе жизни этого

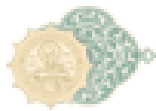
міра и тѣ начала, которыя ею руководятъ, а вѣрующіе именно въ Голгоѣ и послѣдовавшемъ затѣмъ воскресеніи и прославленіи Господа обрѣли неисчерпаемый источникъ своей любви къ добру и его высочайшее оправданіе. Это засвидѣтельствовалъ Самъ Господь, когда незадолго до Своихъ страданій, имѣя ихъ въ виду, Онъ произнесъ сіи слова: *„нынѣ судъ есть міру сему; нынѣ князь міра сего изнанъ будетъ воиъ; и аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ“* (Іоан. XII, 31—32).

Итакъ, на Голгоѣ произошелъ „судъ міру сему“. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, характеризуется жизнь невѣрующаго міра или „міра сего“, какъ называетъ его Господь, изъ чего она слагается, какими началами управляется? Для внѣшняго и посторонняго наблюдателя жизнь міра сего можетъ представиться исполненною блеска и шума. Здѣсь постоянно стремятся ко всякаго рода внѣшнимъ успѣхамъ и, повидимому, достигаютъ ихъ. Вотъ почему жизнь этого міра съ перваго взгляда поражаетъ богатствомъ и разнообразіемъ своихъ формъ, ихъ непрерывнымъ умноженіемъ и усложненіемъ. И гордый своими успѣхами міръ шумно несется впередъ, и его побѣдные клики могутъ порой смутить простое вѣрующее сердце. Но какое, спросимъ мы, содержаніе укладывается въ разнообразныя и многочисленныя формы жизни міра сего и что скрывается на самомъ дѣлѣ за видимымъ блескомъ этой жизни? Содержаніе жизни этого міра—самое мелкое и ничтожное, недостойное чело-вѣка, этого сына Отца Небеснаго, а за видимымъ торжествомъ мы слышимъ иногда голосъ самаго великаго отчаянія и страшной скорби. Шумъ мірской жизни есть шумъ битвы и торжествующіе клики принадлежатъ только немногимъ побѣдителямъ въ ней. Вся жизнь міра сего есть одна сплошная картина игры страстей и самолюбій, интригъ и вождѣленій, бѣшеннои погони за

наслаждениями и удовольствиями. Гордость и чувственность, вообще голое себялюбие и, какъ оборотная сторона его, страшная ненависть къ другимъ, а порой и къ самому себѣ,—вотъ что характеризуетъ послѣдователей этого міра и всѣ блестящія формы жизни, которыя онъ создаетъ, суть только жалкія рубища, прикрывающія проявленія указанныхъ страстей. Даже самыя добродѣтели, на совершеніе которыхъ иногда сходятся представители этого міра, являются не больше, какъ блестящими пороками (бл. Августинъ). „*Все, еже въ міръ*, говоритъ Ап. Іоаннъ Бого-словъ, *похоть плотская и похоть очесъ и гордость житейская*“ (І Іоан. II, 16). А гдѣ же, спросимъ мы, великая нравственная задача жизни, гдѣ различіе добра и зла, гдѣ вѣра въ Бога? Всего этого здѣсь нѣтъ. Вмѣсто нравственной задачи здѣсь ставятся вопросы простого житейскаго благополучія и самая граница между добромъ и зломъ здѣсь снимается и уничтожается, а вмѣсто вѣры въ Бога водворяется простой расчетъ и самонадѣльность. Но не можетъ душа чело-вѣческая, по самой природѣ своей знающая различіе добра и зла и всегда стремящаяся къ Богу, вынести такого искаженія ея, а потому послѣднимъ основаніемъ всему этому направленію жизни міра сего является ложь. Люди сознательно начинаютъ обманывать другихъ и не могутъ быть искренними даже въ отношеніи къ себѣ самимъ. Вотъ почему міръ, по слову Господа, и не можетъ принять Духа истины (Іоан. XIV, 17). И сколько бы ни хвалился этотъ міръ своею мудростью и своими знаніями, истина далека отъ него, ибо неправда никогда не можетъ быть правдою. И княземъ міра сего является поэтому тотъ, кто ложь есть и отецъ лжи (Іоан. VIII, 44). Понятно, что при такомъ направленіи жизни міра сего онъ страшно враждуетъ противъ Бога. „*Нынѣ же*, говоритъ Спаситель нашъ о представителяхъ царства міра сего, *и видѣши и возненавидѣши Мене и*

Отца Моего" (Іоан. XV, 24). И дружба съ міромъ симъ, по слову святыхъ Апостоловъ, есть вражда противъ Бога (Іак. IV, 4; Римл. VIII, 7). Если мы теперь пожелаемъ кратко опредѣлить, что лежитъ въ основѣ жизни міра сего, то должны сказать, что такою основою является зло. „*Міръ весь во злѣ лежитъ*" (1 Іоан. V, 19), онъ „смѣшанъ во единомысліи зла" (Прем. Сол. X, 5), онъ всеѣмъ существомъ своимъ поκειται въ діаволѣ. И вотъ на Голгоѣ мы видимъ крайнее выраженіе всего этого зла міра: „на крестѣ бо виситъ Праведный, хвалимый отецъ Богъ и препрославленъ" (Кан. 1-го гл., 7-ая пѣснь). Но тамъ же и „*судъ міру сему есть*" и „*князь міра сего осужденъ бысть*" (Іоан. XVI, 7).

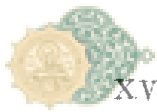
Прежде всего невѣрующій міръ на Голгоѣ нашелъ осужденіе по самой своей основѣ. Крестная смерть Сына Божія не только со всею очевидностью показала, но и на вѣки утвердила, что между добромъ и зломъ никогда не можетъ быть согласія, что граница между тѣмъ и другимъ не есть что-либо произвольное и условное, но что она такъ же неизмѣнна и ненарушима, какъ неизмѣнно самое существо Божіе. Этимъ самымъ у міра сего отнимается и то послѣднее оправданіе его грѣховности, что она не трагивается, если можно такъ выразиться, самаго существа Божія, что она имѣетъ отношеніе только къ нему самому. Бездна страданій Бога плотию раздѣляетъ теперь грѣхъ отъ правды, добро отъ зла и никто не можетъ перейти этой черты, чтобы не оказаться виновнымъ въ тягчайшемъ преступленіи, въ попятіи Сына Божія и непочитаніи за святыню Крови завета и оскорбленіи Духа благодати (Евр. X, 29). Отнынѣ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что есть только или добро или зло, или правда или грѣхъ, рай Божій или адъ діавола, не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что грѣхъ вообще, всякій грѣхъ достоинъ величайшаго осужденія, слѣдовательно, и міръ сей, какъ исполненный грѣха, уже осужденъ, уже стоитъ въ преддверіи ада. Міръ

не может теперь превращать правду Божию: *„открывается бо истъвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду чловѣковъ, содержащихъ истину въ неправдѣ“* (Римл. 1, 18).

Но на Голгоѣѣ міръ сей осужденъ не только по основѣ своей, которая есть грѣхъ и зло, но и по самому содержанію жизни его. Міръ стоитъ на гордости и охраняетъ самымъ тщательнымъ образомъ свое достоинство, свою честь. Но вотъ на Голгоѣѣ мы видимъ Самого Царя славы и *„видѣ Ею безчестіе, умаленъ паче встѣхъ сыновъ чловѣческихъ“* (Ис. XIII, 3). Онъ *„вмѣсто подлежащія Ему радости претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ“* (Евр. XII, 2).—Міръ дорожитъ своею земною жизнью и стремится наполнить ее всякими утѣшеніями плоти, но на Голгоѣѣ добровольно пригвождается своею безгрѣшною плотію Самъ Начальникъ жизни и съ великою покорностью Отцу Небесному полагаетъ душу Свою, попирая тѣмъ всякую мірскую похоть. Міръ заботится всегда о своемъ внѣшнемъ торжествѣ, о своей памяти въ исторіи, но распятый на Голгоѣѣ Господь не сходитъ съ креста, не поражаетъ своихъ враговъ, хулившихъ Его, и умираетъ оставленный почти всеѣми Своими учениками и послѣдователями.

Но исполнилось слово ветхозавѣтнаго евангелиста: *„когда душа Ею принесетъ жертву умилостивленія, Онъ узритъ потомство долговѣчное“* (Ис LIII, 10) и слово Самого Господа: *„когда Я буду вознесенъ отъ земли, встѣхъ привлеку къ Себѣ“* (Іоан. XII, 32). Здѣсь у подножія креста Господня зарождается новая благодатная жизнь и ведетъ свое начало то новое бытіе въ чловѣчествѣ, которое называется Церковью Христовою. Она, назданная Его честною кровію, раскинула свои спасительныя сѣти по всему міру и можетъ сказать: *„возведи очи твои, Сіоне, и виждь: се бо пріидоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада и сѣвера и моря и востока чада твоя, въ тебѣ благословіція Христа во вѣки“* (канонъ на св. Пасху). Чего достигъ міръ своимъ богоубій-

ственнымъ дѣломъ распятія Сына Божія? Только того, что его оплевали и ему поругались своею святою жизнью безчисленные полки мучениковъ и подвижниковъ, которые, будучи охвачены мыслью о великой Голгоетской жертвѣ, обнаружили изумительное терпѣніе и величайшую любовь къ Распятому. Для нихъ міръ сей пересталъ существовать, по слову Апостола Павла, который говоритъ, что Крестомъ Господа нашего Іисуса Христа ему міръ распялся и онъ міру (Гал. VI, 14). Съ изумленіемъ міръ видѣлъ, -- какъ среди него появляются люди, которые рѣшительно отвергають все, чѣмъ онъ живетъ, которые не считаютъ несчастьемъ внѣшняго позора и униженія, бѣдности, болѣзни и смерти, а единственно только грѣхъ, которые остаются совершенно равнодушны ко всѣмъ благамъ міра сего. И въ великой злобѣ онъ вооружался противъ этихъ людей, предавалъ ихъ пыткамъ и казнѣмъ, но тѣмъ самымъ приготовлялъ себѣ еще большее пораженіе. И когда онъ отъ внѣшней силы перешелъ къ средствамъ внутренняго порабоженія, то съ удивленіемъ увидалъ, что люди бѣгутъ въ пустыни и подвергаютъ себя тягчайшимъ добровольнымъ страданіямъ, чтобы только сохранить себя *„неоскверненными отъ міра“* (Іак. I, 27).

Братіе! Мы съ вами, по слову Спасителя, *„не отъ міра сего“* (Іоан. XVII, 16), мы принадлежимъ къ Его святой Церкви. Но слѣдуетъ-ли отсюда, что грозное слово Спасителя нашего о судѣ надъ міромъ симъ насъ совершенно не касается? Нѣтъ, оно относится и къ намъ. Мы, хотя не отъ міра, но мы живемъ въ мірѣ и можемъ-ли мы сказать, что онъ уже не имѣетъ никакой власти надъ нами? Міръ осужденъ, онъ побѣжденъ Тѣмъ, Кто сказалъ о Себѣ: *„Азъ побѣдихъ міръ“* (Іоан. XVI, 33), но не уничтоженъ. Пораженный нѣ самомъ своемъ существѣ, раздавленный, онъ все-таки продолжаетъ пока существовать и вооружается противъ Церкви Христовой всѣми средствами, находящимися въ его распоряженіи: соблазнами, укорами, осмѣяніемъ,

презрѣніемъ, клеветою, жестокостію. Онъ пытается проникнуть въ самую ограду Церкви и подмѣнить содержимое Церковью небесное христіанство христіанствомъ мірскимъ. И мы знаемъ изъ исторіи Церкви, что эти его попытки иногда удавались. Мы знаемъ, на примѣръ, какія печальныя слѣдствія имѣло вторженіе духа міра сего въ сферу жизни церковной, какъ самыя славныя церкви отпадали отъ союза съ Церковью вселенскою и ея Главою черезъ то, что занимали много въ своей жизни отъ началъ мірскихъ. Мы видимъ, какъ проникаетъ духъ міра сего иногда даже въ наши храмы въ видѣ нарушеній правилъ церковнаго благочинія и вообще церковныхъ порядковъ. Мы чувствуемъ, наконецъ, въ своей повседневной жизни непрестанное дѣйствіе міра сего и на самую внутреннюю храмину нашей души, ибо и туда онъ стремится проникнуть путемъ разныхъ, иногда очень тонкихъ, вліяній, чтобы поколебать нашу вѣру, лишить насъ нашей надежды и обратить нашу любовь на предметы, ея недостойные.

Что же мы должны дѣлать, будучи членами воинствующей съ міромъ Церкви? Неужели же выйти изъ міра? *„Не могу, да возмешь ихъ отъ міра, но да соблюдеши ихъ отъ непріязни“* (Іоан. XVII, 15), такъ молился Господь въ Своей первосвященнической молитвѣ о Своихъ Апостолахъ. Нѣтъ, не уходитъ намъ изъ этого міра нужно, какъ не нужно на самомъ дѣлѣ отсѣкать руку или ногу и вырывать глазъ, которыя насъ соблазняютъ (Мѡ. XVIII, 8—9), а нужно только всегда рѣзко разграничивать себя отъ міра сего, не любить его и того, что въ немъ (1 Іоан. II, 15). Мы—„чада свѣтообразная церковная“ и должны всегда ходить яко чада свѣта (Еф. V, 8). „Что общаго у свѣта со тьмою? — спрашиваетъ Апостолъ Павелъ.—Какое согласіе между Христомъ и Веліаромъ? Какая совмѣстность храма Божьяго съ идолами? Ибо вы—храмъ Бога живаго, какъ сказалъ Богъ: вселюсь въ нихъ и буду ходить въ нихъ; и буду имъ Богомъ, и они

будутъ Моимъ народомъ. И потому выйдите изъ среды ихъ и отдѣлитесь, говоритъ Господь, и не прикасайтесь къ нечистому, и Я приму васъ“ (2 Кор. VI, 14 -17). „Не прикасаться къ нечистому“ — вотъ что мы должны наблюдать, обращаясь среди міра. Удаляясь отъ всѣхъ развращающихъ вліяній міра, мы должны беречься и отъ всякаго грѣха, не только большаго, но и малаго, ибо и тотъ и другой уже осуждены самымъ тяжкимъ судомъ вмѣстѣ съ міромъ симъ въ крестной смерти Господа нашего. Мы всегда должны помнить Голгоѳу и Распятаго на ней Сына Божія и не допускать, чтобы наше легкомысліе или слабость воли дѣлали насъ повинными въ презрѣніи Его святѣйшей крови. Мы должны тщательно пересмотрѣть все находящееся въ храмѣ нашей души и очистить ее отъ всякой мірской нечистоты. Древніе евреи при празднованіи своей пасхи должны были тщательно очищать свои дома отъ всякаго кваснаго хлѣба и у нихъ существовалъ цѣлый обрядъ „исканія“ этого хлѣба. Наша Пасха, братіе, — Христосъ, закланный за насъ. „Посему, какъ говоритъ Апостолъ далѣе, станемъ праздновать не со старою закваскою, не съ закваскою порока и лукавства, но съ опрѣсноками чистоты и истины“ (1 Кор. V, 7—8). Поищемъ и мы въ душахъ нашихъ, — не осталось-ли въ нихъ чего-нибудь отъ старой закваски, отъ закваски порока и лукавства, и если найдемъ, то постараемся уничтожить все это.

Будемъ же, братіе, оберегать себя отъ міра, „да не съ міромъ осудимся“ (1 Кор. XI, 32). Аминь.

Іеромонахъ Анатолій.